

Неопубликованная порнографическая повесть А. Ф. Писемского

Среди современников у А. Ф. Писемского сложилась устойчивая репутация писателя грубого и даже не вполне пристойного. Обсуждая возможность включить его произведения в школьную программу, один педагог писал:

...непригодны для учащихся почти все сочинения Писемского: реализм изображения грубых и грязных фактов, не смягченный, как у Гоголя, присутствием возвышенного идеала, ошибается крылья у молодой души, и вот почему сам г. Писемский сказал в одном из своих сочинений, что он пишет не для 16-тилетних барышень; и это совершенно справедливо [Незеленов 1880: 71].

Здесь имеется в виду роман «Взбаламученное море» (1863), к эпилогу которого отсылает Незеленов. Это произведение действительно содержит несколько достаточно вольных описаний. Чаще, впрочем, критиками приводятся грубоватые устные шутки Писемского, демонстрирующие весьма своеобразное чувство юмора. Приведем его часто цитируемые слова о подготовке пушкинских празднеств 1880 г.: «Ю<рьев> до того растерялся, что ему скажешь — здравствуйте! — а он обругается; подашь ему руку, а он тебе подает черт знает что!» [Страна 1881].

Если ознакомиться с перепиской писателя, нетрудно обнаружить еще более впечатляющие места, например, подробное описание лечения от венерического заболевания Тургенева, который, подвергаясь болезненной операции, «с глупым, но милым взором умирающей газели, даже не молит о пощаде, потому что верит в науку» [Писемский 1936: 105]. Однако большинство упрекавших Писемского в цинизме и грубости критиков, таких как А. М. Скабичевский и С. А. Венгеров, вероятно, не знали о существовании произведения, которое может в наибольшей степени служить основанием для таких обвинений.

В Российском государственном архиве литературы и искусства (Москва) хранится объемная не датированная рукопись, озаглавленная «Эротические похождения одной весьма почтенной барыни», в качестве автора которой указан Писемский [РГАЛИ. Ф. 375. Оп. 2. Ед. хр. 1]. Из данной нам сотрудниками архива справки выяснилось, что в течение многих лет эта единица хранения не была доступна исследователям по причине своего порнографического характера. Хотя трудно сказать, почему порнографическая природа сочинения должна служить основанием закрыть доступ к нему, не может быть никаких сомнений в том, что рукопись является характерным примером литературы именно порнографической. Природа текста вполне понятна уже из предисловия, где описывается, как рассказчика-студента соблазняет мать его ученика, а также упомянуты многочисленные интимные секреты семейств, в которых ему довелось преподавать. Это предисловие написано литературным слогом; в нем обыгрываются сюжетные ситуации плутовского романа (в роли вхожего в разные дома слуги-пикаро выступает молодой учитель, работающий на дому), цитируются «Мертвые души» Н. В. Гоголя («...того времени, когда я был учителем, я никогда не забуду: это была пора моей юности, моей свежести» [РГАЛИ. Ф. 375. Оп. 2. Ед. хр. 1: 1]), в которых как раз использована «плутовская» сюжетная модель. Однако в основном тексте этого произведения не используются даже такие нехитрые приемы литературной игры: излагается история жизни (почти исключительно половой жизни) некой женщины, обладающей исключительной привлекательностью. Очень детальные, подробные описания сексуальных сцен составляют практически весь текст, перемежаясь лишь небольшими фрагментами, служащими введением для очередного эпизода. Естественно, писатель не мог рассчитывать на публикацию этого произведения в силу его непристойного характера. Впрочем, автор настоящей заметки здесь и далее не будет приводить ни пространных цитат, ни подробных пересказов эпизодов повести по той же самой причине — и готов подвергнуться обвинениям в ханжестве.

Принадлежность повести Писемскому может показаться сомнительной: почерк, которым написана рукопись, не похож на почерк писателя. Однако это не может служить и однозначным аргументом против авторства Писемского, поскольку, во-первых, текст, по всей видимости, был рассчитан на переписывание любителями порнографической литературы, а во-вторых, существует вероятность, что текст все же написан рукой Писемского, а необычность почерка объясняется временем создания текста, являющегося, как будет показано ниже, одним из самых ранних известных произведений писателя.

Стилистические критерии далеко не всегда являются надежным основанием для атрибуции, однако в данном случае, на наш взгляд, именно они позволяют бесспорно установить авторство. В рукописи постоянно употребляются мелкие, внешне малозначительные словечки и выражения, типичные для произведений Писемского и, вероятно, даже не замечаемые автором: «по собственному его выражению», «считаю нелишним предупредить читателя», «возвратившись» [РГАЛИ. Ф. 375. Оп. 2. Ед. хр. 1: 3, 2 об., 3 об.]. Уже на первых страницах романа «Тысяча душ» (1858) употребляется формула «по собственному ее выражению» [Писемский 1959: 6], вероятно, восходящая к чиновничьему языку и знакомая Писемскому, у которого опыт чиновничьей службы появился сразу после окончания университета. Обращения к читателю, иронически стилизованные под деловой тон, также часто встречаются у Писемского. В том же романе, например, рассказчик заявляет: «Смело уверяя читателя в достоверности этого факта, я в то же время никогда не позволю себе назвать имена совершивших его ...» [Писемский 1959: 459]. По данным Национального корпуса русского языка, форму «возвратившись» из русских писателей середины XIX в. часто использовали только Писемский и А. И. Герцен. Подобных примеров языковых параллелей между неопубликованной повестью и произведениями Писемского можно привести еще довольно много. Принадлежность

разбираемого сочинения Писемскому кажется нам крайне вероятной, почти неопровержимой.

На сюжетном уровне существует несколько параллелей между неопубликованной повестью и известными произведениями Писемского. Изображение различных сексуальных сцен в пансионе, например, перекликается с романом «Взбаламученное море», где описаны — разумеется, более скромно — нравы старинного пансиона, в котором училась мать главной героини. Еще более интересен для нас пролог, в котором рассказчик, очень молодой человек, занимается репетиторством, то есть по роду занятий совпадает с таким же юным автобиографическим рассказчиком повести «Виновата ли она?» (1855). Если верить этой повести, Писемский занимался учительством, пока был студентом. Собственно, в жизни писателя не было другого времени, когда он мог бы преподавать что бы то ни было. Вероятно, именно это обстоятельство позволяет датировать произведение Писемского. Повесть открывается словами:

Пять лет тому назад, облеченный в звание учителя, я путешествовал по различным домам; это было самое лучшее время во всей моей жизни. Я желал бы воротить его, но не могу. Быстрым потоком бежит моя жизнь и уносит меня к другим людям, к другому обществу [РГАЛИ. Ф. 375. Оп. 2. Ед. хр. 1: 1].

Судя по аналогии с повестью «Виновата ли она?», можно предположить, что «Эротические похождения...» действительно были написаны через несколько лет после окончания студенческой жизни Писемского. В этом случае слова о «быстром потоке» жизни, скорее всего, отсылают к переезду писателя из Москвы на родину, в Костромскую губернию, в 1847 г. В университете Писемский учился с 1840 по 1844 г., а потому заявление рассказчика, что он был учителем 5 лет назад, вполне правдоподобно. Уже интересовавшийся литературой и пробовавший себя в роли писателя (в 1846 г. он написал повесть, впоследствии опубликованную под названием «Боярщина»,

в 1848 г. был напечатан рассказ «Нина»), Писемский в те годы еще не был известен в литературных кругах. Трудно предположить, что текст повести был написан позже: во-первых, у плодовитого известного писателя, заработок которого в основном был литературным, вряд ли было время, чтобы сочинять около 10 печатных листов текста, который ни при каких обстоятельствах не мог быть напечатан; а во-вторых, довольно трудно представить, чтобы большую повесть или роман такого содержания мог написать женатый человек (женился Писемский в 1848 г.). Напомним, что А. В. Дружинин и М. Н. Лонгинов — создатели «чернокнижных» произведений — были людьми холостыми. Наконец, содержание «Эротических похаждений...» свидетельствует скорее о молодости автора: значительная часть сочинения посвящена подростковому сексуальному опыту; молодым и относительно невинным кажется и рассказчик.

Таким образом, «Эротические похаждения...» — одно из самых первых известных произведений Писемского. Историко-литературное значение обширного юношеского сочинения крупного писателя, казалось бы, должно быть очень большим, тем более что оно позволяет изменить сложившиеся представления об истории русской порнографии. Современный исследователь пишет:

...Пристрастие к стихотворной форме скабресной литературы при одновременном пренебрежении к популярнейшему на Западе прозаическому жанру романа — черта отнюдь не случайная, поскольку данное положение характерно не только для XVIII века. В XIX столетии наблюдается схожая ситуация: непрерывно растущий поток стихотворной похабщины при полном отсутствии не только прозаической порнографии, но и вообще эротической тематики в русской прозе. [Шруба 1999: 201].

Это суждение нуждается в корректировке: порнографическое сочинение в прозе было нами обнаружено, причем его автор — известный писатель. Можно было бы ожидать, что в таком маргинальном жанре проявятся необычные и малозаметные особенности ли-

тературного процесса и развития русской культуры середины XIX в. в целом. Однако такие ожидания не оправдываются. Подавляющее большинство исследователей русской порнографической литературы по сути доказывали, что литературность делает ее ненастоящей порнографией: сексуальные сцены, обценная лексика и прочие черты используются по преимуществу в целях пародийных, кощунственных, сатирических и пр.¹ Однако в «Эротических похождениях...» такой смысл найти непросто. Единственной целью текста, судя по его характеру, является сексуальное возбуждение и, возможно, «половое воспитание» юных читателей. Присутствуют в повести Писемского и другие характерные особенности порнографии, в том числе восприятие женщины исключительно как объекта вожделения. В отличие от считающихся порнографическими романов де Сада, произведение Писемского не содержит идеологического подтекста, с которым были бы связаны сексуальные сцены. За исключением эпилога с его ориентацией на гоголевские «Мертвые души», текст повести не имеет никакого «пародического» (Ю. Н. Тынянов) характера, то есть не ориентирован на какие бы то ни было произведения литературы. Этим «Эротические похождения...» отличаются от стихотворных текстов скабрёзного содержания, сочиненных русскими авторами.

Даже биографической информации повесть содержит не много. В конце рукописи есть приписка, в которой расшифрованы прототипы героев:

Барыня: Александра Николаевна Пушкина, урожденная Ивановская
Тетка: Амалия Сергеевна Минкевич, рязанская помещица

¹ См. статьи, собранные в сб.: Анти-мир русской культуры. Язык, фольклор, литература. Сб. ст. / Сост. Н. Богомолов. М., 1996. Есть также издание стихотворных текстов Лонгинова, П. Шумахера и др., все представленные в котором тексты собственно порнографическими назвать нельзя: Стихи не для дам: Русская нецензурная поэзия второй половины XIX века / Изд. подгот. А. Ранчин и Н. Сапов. М., 1994.

Сын ее: Владимир Александрович

Дочь: Рабе

Племянница: Елена Дмитриевна Ушакова

Учитель: Иван Сергеевич Дружинин [РГАЛИ. Ф. 375. Оп. 2. Ед. хр. 1: 135].

Почерк, которым написан этот текст, не совпадает с почерком, которым написана повесть, что снижает степень его достоверности. Если принять приписку за правдивую, ее не удастся связать с биографией писателя: в переписке Писемского и его знакомых такие лица не упоминаются, а достоверность описанных событий вызывает сильные сомнения. Малорезультативен и поиск приведенных фамилий по родословным книгам дворянства: например, помещиков по фамилии Минкевич в Рязанской губернии не было, а фамилия Пушкин была очень распространена и в Костромской губернии, то есть на родине Писемского, и в других местах.

Повесть представляет существенный интерес разве что для исследователя языка Писемского: перед ним, по всей видимости, окажется самый пространный из текстов писателя 1840-х гг., где используются характерные для Писемского лексика и грамматические конструкции. В остальном же «Эротические похождения...» любопытны разве что как эпизод из до сих пор не исследованной истории русской прозаической порнографии. Разумеется, полное издание сочинений Писемского должно включать и такой текст. Однако в целом перед нами интереснейшая с текстологической точки зрения ситуация, когда историко-литературная ценность вновь найденной ранее не печатавшейся книги известного писателя, по объему превосходящей любую его повесть, не больше чем, например, у одного из его опубликованных писем:

Маляру

Пришлите мне непременно завтра т. е. в четверг выбелить потолок, а также и оклеить обоями в коридоре. Непременно же пришлите. *Пис<емский>*

17 окт<ября> 1879 [Писемский 1936: 422].

СОКРАЩЕНИЯ

Незеленов 1880 — *Незеленов А.* О преподавании русской словесности. СПб., 1880.

Писемский 1936 — *Писемский А. Ф.* Письма. М., 1936.

Писемский 1959 — *Писемский А. Ф.* Собр. соч.: В 9 т. Т. 3. М., 1959.

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства.

Страна 1881 — Страна. 1881. № 13.

Шруба 1999 — *Шруба М.* К специфике барковианы на фоне французской порнографии // Эрос и порнография в русской культуре. М., 1999. С. 200–218.